

М. Д. Бухарин

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПОНЯТИЯ «КРАСНОЕ МОРЕ»

Происхождение названий морей в целом и в частности их цветовые обозначения – тема, давно волнующая исследователей самых разных специальностей: историков, лингвистов, литературоведов, географов, психологов. Это направление в историко-географических исследованиях вряд ли будет когда-либо исчерпано: для одного лишь Каспийского моря выявлено около 70 названий, причем среди них упоминаются и «Западное», и «Белое» моря¹ – названия, использовавшиеся и в отношении других морей. Десятками исчисляются названия современных Красного и Средиземного морей в средневековой арабской географической литературе. Как правило, море в географических представлениях дробилось на мелкие сектора, получавшие свое название по наиболее крупному прибрежному городу или области, например: Море Хиджаза, Джара, Йемена, Кулзума, Мисра (Египта) – для Красного моря и Сирийское («Северное» – от араб. *šām* – «север» и «Сирия»), Магриба и т.д. для Средиземного. Столь же многочисленны и названия Аральского моря, причем среди них также фиксируются те, которые с полным основанием могут быть отнесены и к другим морям: Синее, Северное, Горькое, Соленое, Черное, Хорезмийское и т.д.² Иногда один и тот же водный бассейн именовался в двух разных традициях прямо противоположным образом. Так, название Балтийского моря восходит, вероятно, к *baltas* (лит. «белый»), что совпадает с индоевропейскими характеристиками севера, тогда как в арабской традиции крайние пределы ойкумены – Окружающее море – именовались Морем мрака, иногда дополнительно называвшимся «черным» или «смоляным». С другой стороны, привычное наименование одного бассейна могло использоваться и для обозначения соседнего. Так, название «Римское море» прилагалось в арабской географической традиции не только к Средиземному морю, но и к Черному³.

Загадочным остается значение Красного моря. В исследованиях встречаются попытки «рационального» объяснения этого наименования, следующие в целом античной традиции. Так, Агафархид Книдский критикует идею о происхождении названия «Красное море» от цвета воды (*De mari*. 2a), хотя Страбон воспроизводит эту же идею (*XVI*. 4. 20), восходящую, вероятно, к Эратосфену. Эта же версия приведена и Плинием Старшим (*VI*. 108). Ктесий Книдский, на которого в частности в этом же фрагменте «Географии» ссылается Страбон, го-

¹ Мюллер А.Ф. О названиях и географических картах Каспийского моря // Сборник трудов членов Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1892. С. 1–62; Жило П.В. О названиях Каспийского моря // Известия АН АзССР. Серия геолого-географических наук. 1960. № 4. С. 93–98; Гюль К.К., Жило П.В., Жирнов В.М. Библиографический аннотированный справочник по Каспийскому морю. Баку, 1970. С. 156; Логашова Дж. Из топонимии Каспийского моря (о названии реки Отрек) // Ономастика Средней Азии. М., 1978. С. 75.

² Хасанов Х.Х. Историко-топонимическая схема Средней Азии // Топонимика Востока. Материалы и исследования. М., 1969. С. 159.

³ Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). Lpz, 1903. S. 161–162.

ворит об источнике воды с суриком, придающим воде соответствующий оттенок. Историки Александра возводили название Ἐρυθρὰ θάλασσα к имени легендарного царя Эритра, похороненного на острове Оаракта у входа в Персидский залив (Agath. De mari. I. 5a; Arr. Ind. 37. 1–2; Curt. VIII. 9. 14; X. 1. 13–14; Plin. NH. VI. 153).

Идея природного оттенка воды Красного моря связывалась с цветом камышей в озерах к северу от Суэца и Эйлата или с цветом моллюсков *Trichodesmium erythraeum*, которые при разложении якобы придают воде Индийского океана красноватый оттенок⁴, с цветом песка аравийских пустынь (= «Море красного песка») и (или) цветом красных кораллов, которыми богата акватория Персидского залива⁵. Этот подход критиковался уже почти столетие назад У.Х. Шоффом. Сам же Шофф считал возможным рассматривать «красноту» Красного моря как отражение его расположения на «востоке», а само название интерпретировал как «Восточное море»⁶. При этом связь «красного моря» с «востоком» (цветом лучей восходящего солнца) предлагалась и до выхода в свет исследования Шоффа⁷. Существуют и другие мифологические объяснения этому названию, данные в античной традиции⁸.

В современных исследованиях по истории названий морей предполагается наличие тесной связи между появлением названий Черного и Красного морей. Г. Хирт⁹ и Р. Шмитт¹⁰ развили теорию М. Фасмера¹¹ о происхождении древнегреческого названия Черного моря (ἄξεινος) из древнеиранского *axšaina- с неясным значением, обычно трактуемого как «несветлый»: в иранской (в первую очередь в персидской) и тюркской¹² традициях черным цветом якобы

⁴ Например: «The name *Red Sea* is indeed derived from the color of the water» (Hoyt S.F. The Name of the Red Sea // JAOS. 1912. 32. P. 118).

⁵ Treidler H. Erythra thalatta // Der kleine Pauly. 1979. Bd 2. Col. 366–367.

⁶ Schoff W.H. The Name of the Erythraean Sea // JAOS. 1913. 33. P. 358–362.

⁷ «Mythischer Ursprungs ist von den Ortsnamen des fernen Südostens endlich wohl auch die Bezeichnung des roten Meeres, dessen Farbe von den Strahlen der aufgehenden Sonne hergeleitet wurde» (Gruppe O. Griechische Mythologie und Religionsgeschichte. Bd I–II. München, 1906 (Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft in systematischer Darstellung: mit besonderer Rücksicht auf Geschichte und Methodik der einzelnen Disziplinen / Hrsg. von I. Müller. Bd 5. Abt. 2. S. 389).

⁸ См. Бухарин М.Д. Перипл Эритрейского моря. Текст. Перевод. Комментарий. Исследования. СПб., 2007. С. 10–11.

⁹ Hirt H. Schwarzes und Rotes Meer // Hirt H. Indogermanica. Forschungen über Sprache und Geschichte Alteuropas / Hrsg. von Helmut Arntz. Halle, 1940. S. 259–260.

¹⁰ Schmitt R. Die Iraner-Namen bei Aischylos. Wien, 1978 (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte. Bd 337. Veröffentlichungen der iranischen Kommission. Bd 6. Iranica Graeca Vetustiora. I). S. 29; *idem*. Namenkundlicher Streifzug ums Schwarze Meer // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Innsbruck, 1985. S. 409–415; *idem*. Considerations of the Names of the Black Sea // Hellas und der griechische Osten. Festschrift Peter R. Franke. Saarbrücken, 1996. P. 219–224 (ср. ообщ.: «Max Vasmer has pointed out in a manner as ingenious as it is convincing that the determining adjective in the name Πόντος ἄξεινος/Pontus Axīnus is nothing else than the Greek rendering of an Iranian *axšaina- “dark coloured”» – Ibid. P. 220).

¹¹ Vasmer M. Osteuropäische Ortsnamen // Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. 1921. Ser. 1. Bd 1. № 3. S. 1–4; *idem*. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. Bd I: Die Iranier in Südrußland. Lpz, 1923 (Veröffentlichungen des baltischen und slavischen Instituts an der Universität Leipzig. 3). S. 20.

¹² «...In more recent times we find this name of the Black Sea only since the 13th century, e.g. in Turkish *Kara Deniz*, Arabic al-Baḥr al-Aswad... Never the less this name, as we have seen, actually is much older... one can not but assume that the “old” name of the *Black Sea* has survived with its original meaning in the Near East, until the Turks borrowed it and propagated anew» (Ibid. P. 220–221).

обозначался север, красным – юг, «черное» и «красное» начала семантически и противопоставлялись по линии «север» – «юг»¹³. Следовательно, названия «черное» и «красное» (море) необходимо связывать с понятиями «северное» и «южное» (море) соответственно. Гипотеза Р. Шмитта пользуется безоговорочной поддержкой в современном антиковедении¹⁴.

В последней по времени публикации, в которой затрагивается происхождение древнегреческих названий современного Черного моря, гипотеза о заимствовании *axšaina- > ἄξεινος в значении «темное», т.е. «северное» (море) > «негостеприимное» преподносится как «хорошо известный» факт¹⁵.

Несмотря на утверждения Р. Шмитта (“There can be no reasonable doubt...”), имеются весьма резонные сомнения в правдоподобии гипотезы о происхождении древнегреческих определений Понта. Так, предполагаемая особенность мировоззрения иранских народов – обозначение севера черным цветом, появление в этой связи и бытование наименования «Черное море» в значении «северное» как в иранской, так и в античной традициях – осталась не проиллюстрированной. Сами древнеиранские термины *arāxtara-, *арахэдга- («назад», т.е. «севернее») и га-riθwā («юг»)¹⁶ не выдают какой-либо связи с цветовой символикой и говорят против ассоциирования севера с черным цветом в иранской традиции в пользу того, что древнеиранская ориентация по сторонам света по линии «юг» – «север» все же исходила из категорий «вперед» – «назад».

Р. Шмитт признает, что талассонимы такого рода не зафиксированы в источниках, но тем не менее настаивает на том, что он был усвоен греческими поселенцами Северного Причерноморья и переосмыслен в духе «народной

¹³ «Instead of names like East being “towards the sunrise” or being “in front of us” we find here the four cardinal points designated in a symbolic manner by colour names, as they are widely attested around the globe, and in that part of the world chiefly in a way that black (or dark) stands for north, red for south, white for west, and green (к сожалению, в своем исследовании Р. Шмитт не обращается к данным арабской географической литературы, в которой зеленый цвет прилагался именно к западному – Атлантическому океану, или китайской традиции, в которой зеленым периодически обозначается Индийский океан. – М.Б.) or light blue for east. There can be no reasonable doubt that the appellations of the *Black Sea* and the *Red Sea* are remnants of such a system... “Black Sea”, as reflected in Iranian **Axšaina*-, is then the natural designation for the counterpart in the north...» (Schmitt. Considerations of the Names of the Black Sea. P. 221–222).

¹⁴ Например: Тохтасьев С.Р. Рец.: Иванчик А.И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции. Фольклор, литература, история. Москва–Берлин, 2005 (Pontus septentrionalis. III) // ВДИ. 2008. № 1. С. 199–200 (происхождение ἄξεινος из др.-перс. ašēn со ссылкой на работы Р. Шмитта).

¹⁵ «It is well known that the Greeks’ name for the Black Sea Πόντος Εὐξεινος “the Hospitable Sea”, is nothing other than the result of a euphemistic antiphrasis. It was created as the opposite to Πόντος Ἀξεινος, a name which they obviously understood as “the Inhospitable Sea”. Both of these forms are relatively old and are first attested in Pindar. Now this “Inhospitable Sea” is a rather strange thalassonym, which demands an explanation. The answer to this puzzling question is that in reality the name is of Iranian origin; it is Old Iranian *axšaina*- “dark-coloured”, which in a symbolic manner also has the meaning “northern”. Long before the time of its first attestation in an Iranian language the Greeks must have adopted this name, which from the view-point of the Iranian name-givers denoted the “North Sea”, and they changed it slightly by assimilating it to the Ionic ἄξεινος “inhospitable”» (Schmitt R. Greek Reinterpretation of Iranian Names by Folk Etymology // Old and New Worlds in Greek Onomastics / Ed. E. Matthews. Oxf., 2007 (Proceedings of the British Academy. 148). P. 140).

¹⁶ Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1904. S. 79, 1509.

этимологии»¹⁷. В его исследованиях предполагается, что исходный смысл названия Понта – «черный», заключенный в предполагаемом иранском термине, – был сохранен и каким-то образом передан в тюркскую традицию¹⁸.

Вызывает серьезные сомнения и уравнивание иранской цветовой геосимволики с тюркской. На ее несовпадение указывает, например, Сефид-руд («белая река») – персидское наименование реки Ἰσφρδός (Geogr. VI. 2. 2)¹⁹, впадавшей в Каспийское море, переданное в тюркской традиции (вероятно, уже в XI в.) как Kizil-özän, а в монгольской как Hulân-mūrân («красная река»): «белое начало» в иранской традиции было отождествлено с «красным» в тюркской и монгольской²⁰.

Выдающийся тюрколог А.Н. Кононов представил подробное исследование цветовой геосимволики у тюркских народов. Согласно выводу Кононова, древние тюрки использовали четыре позиции для обозначения сторон света: лицом к восходящему солнцу, т.е. на восток, лицом к полуденной стороне, т.е. на юг, лицом к полуночной стороне, т.е. на Полярную звезду, и лицом вверх. При ориентации на восходящее солнце север определялся понятием «лево-», при этом линейное обозначение иногда трансформировалось в линейно-соллярное. При ориентации на юг северная сторона обозначалась понятием «назад», эпизодически ассоциируемой с понятием «тень», при ориентации на север – «перед». Это же противопоставление сохранялось и ориентации по принципу «верх» – «низ»²¹. Как отмечает далее А.Н. Кононов, «в ряде тюркских (и не только тюркских) языков северная сторона небосклона ассоциируется с понятием темноты и обозначается словом тўн, тән ‘ночь’; южная сторона небосклона узнается по солнцу в зените и обозначается словом тўш ‘полдень’... или словом кўн, гўн, кән ‘солнце’ + слово як ‘сторона’»²², при этом ассоциирование «севера» с «тенью» – явление в тюркской традиции второстепенное и было, вероятно, связано с культом Юга – собственно тюркским феноменом.

Предположение о связи «черноты» с «севером» в тюркской традиции при образовании названия «Черное море» маловероятно, тем более что в разных тюркских традициях черный цвет ассоциируется с разными сторонами света: у казахов – с западом, в азербайджанских диалектах – с востоком²³; калмыки воспринимали восток белым, юг – синим, запад – красным, а север – желтым

¹⁷ «The Iranian name of the Black sea, though being not attested as a thalassonym in ancient times, initially has been adopted in its foreign shape by the Greeks, very probably by those in the cities on the northern shore of the Black sea, and then has been slightly altered by popular etymology and by an assimilation to Ionian Greek ἄξεινος “inhospitable”» (Schmitt. Considerations of the Names of the Black Sea. P. 220).

¹⁸ «In more recent times we find this name of the Black Sea only since the 13th century, e.g. in Turkish *Kara Deniz*, Arabic al-Baḥr al-Aswad... Never the less this name, as we have seen, actually is much older... one can not but assume that the “old” name of the *Black Sea* has survived with its original meaning in the Near East, until the Turks borrowed it and propagated anew» (Idem. P. 220–221).

¹⁹ Andreas F.C. Amardos // RE. 1894. Bd 2. Col. 1734.

²⁰ Подробнее см. Minorsky V. Mongol Place-Names in Mukri Kurdistan (Mongolica. 4) // BSOAS. 1957. 19. 1. P. 66. Ссылкой на этот пример я обязан профессору Д.Т. Поттсу (Сидней).

²¹ Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник. 1974. М., 1978. С. 73–83.

²² Там же. С. 84–85.

²³ Анализ см. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. М., 1978. С. 164–169.

(золотым)²⁴. Уйгуры ассоциировали восток с синим или зеленым цветом, запад – с белым, юг – с красным, а север – с черным²⁵. Во всяком случае, при обозначении пустынь (например, Каракумы), *qara*, в отличие от общепринятого мнения, не ассоциируется с севером²⁶. И действительно, было бы странно, если бы пустыня Каракумы была противопоставлена пустыне Кызылкум как северная южной при том, что Кызылкум лежит значительно севернее (точнее, северо-восточнее) Каракум.

Практически все среднеперсидские рефлексy др.-ир. *axšaina- имеют значение «голубой», «синий», «небесный», «зеленый»²⁷, следовательно, какая-либо связь между гипотетическим обозначением севера в иранской геосимволике именно с черным цветом и др.-ир. *axšaina- едва ли может быть надежно обоснована, и название Черного моря не может быть пережитком (*remnant*) этого мировоззрения – следовало бы ожидать или иного цветообозначения или определения «темное».

Р. Шмитт не ставит вопрос о происхождении понятия *axšaina- в отношении Черного моря, однако указание на едва ли прослеживаемую связь между обозначением сторон света по цветам²⁸ в иранской традиции осталось Шмиттом проигнорировано. Так, в завершении своей работы Л. де Соссюр – один из разработчиков самой идеи о происхождении понятия «Черное море» из заимствования китайских астрономических концепций, однако, говорит о «*similitude sino-iranienne*»²⁹, но вопрос об аргументации этого «сино-иранского сходства» конкретными источниками, пусть даже их «неполными фрагментарными осколками», остался открытым.

Предполагаемое переосмысление ἄξεινος в εὐξεινος вызывает серьезные сомнения еще и потому, что для его свершения практически не было времени. Следуя тезису Р. Шмитта, исходная иранская форма для гидронима *πόντος ἄξεινος* была рождена персами, вышедшими в последней четверти VI в. до н.э. к Черному морю. К середине V в. обе формы уже свободно циркулируют в древнегреческой литературе: их употребление Пиндаром (первая половина V в. до н.э.), Геродотом (после 431 г. до н.э.) и Еврипидом (в «Ифигении в Тавриде» ок. 412 г. до н.э.) говорило бы о том, что переосмысление ἄξεινος в εὐξεινος в отношении Понта должно было свершиться самое позднее на рубеже VI–V вв. до н.э. Могло ли переосмысление такого понятия как обозначение главного водного бассейна в рамках целой культуры полностью свер-

²⁴ *Ludat H. Farbenbezeichnungen in Völkernamen: Ein Beitrag zu asiatisch-osteuropäischen Kulturbeziehungen // Saeculum. 1953. 4. S. 151.*

²⁵ Ссылки на литературу приведены: *Кононов*. Семантика цветообозначений в тюркских языках. С. 160.

²⁶ Там же. С. 166–167.

²⁷ *Hübschmann H. Iranica // ZDMG. 1884. 38. S. 427–428.*

²⁸ «Les symboles zoaires (tels que la tortue, associée au nord, à minuit et à l'humidité) apparaissent fragmentairement dans les débris, malheureusement très incomplets, de la littérature iranienne. L'association chinoise aux cinq points cardinaux, spécifiée par les textes pehlévi, permet déjà d'induire que la théorie des cinq couleurs, liée à celles des cinq éléments et des cinq planètes, existait aussi dans l'Iran. Je n'en avais cependant pas trouvé de confirmation directe lorsque je lus, dans Hérodote, que "les Perses nomment mer Rouge la mer Australe" et que le Tigre et l'Euphrate se jettent "dans la mer Rouge"» (*Saussure L. de. L'origine des noms de Mer Rouge, Mer Blanche et Mer Noire // Le Globe. Organe de la Société de géographie de Genève. 1924. 63. P. 28–29*) – сохранена орфография оригинала.

²⁹ *Ibid.* P. 36.

шиться за столь короткий срок и таким образом, что начальная стадия этого процесса даже не засвидетельствована? Едва ли.

Без ответа остается и еще один вопрос: если греки восприняли в форме фонетической адаптации название «Черное море» в виде $\rho\acute{o}\nu\tau\omicron\varsigma \alpha\breve{\xi}\epsilon\iota\nu\omicron\varsigma$ как отражение древнеиранских представлений о цветосимволике в окружающем пространстве – противопоставления черного и красного по линии север – юг, лишь «механически» переняв название, то почему предполагаемое древнеиранское название Красного моря (например, от др.-перс. *θιxга, авест. suxга) оказалось переведенным, а не адаптированным? Кроме того, если в реконструкции Р. Шмитта присутствуют «черное» (северное) и «красное» (южное) начала, то в ней должны иметь какое-то выражение и «западное» с «восточным». Однако связь востока и запада с цветовой символикой не может быть продемонстрирована, что (хотя и косвенно) свидетельствует против цветowych ассоциаций при ориентировании в пространстве в древнеиранской традиции.

И как могло быть заимствовано понятие в значении «темный» < «северный», если для значительной части иранских кочевников, прежде всего скифов, живших на берегах современного Черного моря, это море было «южным», т.е. в схемах де Соссюра и Шмитта – «красным»? Следовало ли бы в таком случае ожидать у скифов рождения гидронима «Красное море» в отношении современного Черного моря? Если же предположить, что это определение было порождено собственно персами, то встает вопрос о механизме его появления. К какому периоду восходит знакомство персов с Черным морем? Если ко времени похода Дария I в Причерноморье, то следовало бы ожидать скорее влияния скифской традиции на персов, так как современное Черное море для них оказалось бы новым и его название могло быть с большей вероятностью заимствовано у «местных жителей». Если же персы пришли на берега Понта с уже развитой идеей противоположности «южного» и «северного» морей, то что они считали «северным морем» до того, как познакомились с Понтом? И как менялись представления о «северном (черном?) море» по мере продвижения персидских племен на юго-запад современного Ирана – к местам их «традиционного» обитания из более северных, предкавказских, регионов?

Показательно, что в северопричерноморских надписях встречается значительное количество имен собственных, интерпретируемых на основе осетинского *sāw («черный»)³⁰, восходящего к др.-ир. *syāva. Если бы идея «черноты» Понта была свойственна древнеиранской традиции, то именно такой (или иной с однозначной цветосимволикой) термин, а не образованный от *a-xšā(y)-, должен был бы лежать в основе понятия «Черное море», наличие которого в иранской традиции стремится проследить Р. Шмитт.

Кроме того, предложенное «цветовое» значение («несветлый») для *axšaēna- представляется не вполне точным. Значение *axšaina- следует трактовать не по линии «светлый» – «темный», а по линии «яркий» – «неяркий», «бледный». На это в частности указывают как значения глагола kšā- и его производных в санскрите, в том числе в ведийском – «жечь», «свет», «блеск»³¹, если рассмат-

³⁰ Подробнее см. *Иванчик А.И.* Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса (Новые данные о греко-иранском взаимодействии в Танаисе допалеонтологической эпохи) // ВДИ. 2008. № 2. С. 66–76.

³¹ Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung / Bearbeitet von O. Böhtlingk. Zweiter Theil. St.-Petersburg, 1881. S. 123; *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982. С. 40.

ривать *axšaina- как *a-xšaina-³². В таком случае, исчезает и предполагаемое представление о Черном море как о «черном» или «темном» в древнеиранской традиции.

Слишком большое количество допущений и вопросов без ответов говорит против того, что понятие ἄξεινος в отношении Понта было рождено в Персии. Таким образом, практически единственным аргументом в пользу гипотезы Р. Шмитта остается созвучие рефлексов др.-ир. *axšaina- и др.-греч. ἄξεινος.

В значительной степени обоснование «черноты» современного Черного моря и «красноты» Красного для Р. Шмитта и сторонников его гипотезы о происхождении названий морей зиждется на противопоставлении Черного моря как «северного» Красному как «южному» в «Истории» Геродота³³. Действительно, если обозначение морей как «южное» и «северное», использовавшееся Геродотом, восходит к иранской традиции то, помимо его личного знакомства с ее особенностями, это означало бы, что моря в ней обозначались не по цвету, а все же по сторонам света. Даже если бы в иранской традиции современное Черное море и обозначалось бы одним из рефлексов *axšaina-, то в античную традицию оно попало как «северное», т.е. не путем народной этимологии или фонетического приспособления. Следовательно, связь между обозначением Понта как ἄξεινος и иранской цветовой геосимволикой в интерпретации Р. Шмитта теряется. Если же эти понятия принадлежат собственно античной географической традиции, то их использование в качестве аргумента для обоснования противопоставления морей как «северного» и «южного», т.е. «черного» и «красного», теряет силу и должно быть исключено из дискуссии. И если бы речь могла вестись о заимствовании греками иранской цветовой геосимволики, то «красное» море всякий раз должно было быть «южным», а «южное» – «красным», тогда как «северное» – «черным», а «черное» – «северным». И наоборот. Так ли это?

Анализ употребления наименования «Южное море» в сочинении Геродота уже был проведен³⁴. Согласно полученным выводам, понятие «Южное море» – νοτίη θάλασσα, как и «Северное» [βορρη(ε)ίη θάλασσα], в ряде контекстов (II. 11, 32, 158–159; IV. 42) однозначно соответствующее Средиземному³⁵, и вообще обозначение морей по сторонам света у Геродота, не может отождествлено с каким-то одним конкретным водоемом, а употреблялось ad hoc. В предшествующей же литературе предлагались отождествления «Северного» и «Южного» морей или только с Черным, или только с Красным³⁶. Проверим эти утверждения.

В некоторых контекстах «Южное море» действительно соответствует «Красному». Все эти контексты связаны с описанием истории и географии Египта до персидских нашествий, и содержащаяся в них информация не могла появиться в результате персидского влияния. Так, Геродот (II. 11) говорит, что Египет ранее был «заливом», и что этот залив простирался от «Северного мо-

³² Bartholomae. Op. cit. S. 541.

³³ Schmitt. Considerations of the Names of the Black Sea. P. 222–223.

³⁴ Иванчик А.И. О киммерийцах Аристея Проконнесского (Hdt. IV, 13) // Античная балканистика. М., 1987. С. 48–51.

³⁵ Указано: Доватур А.И. Обозначение морей у Геродота // ВДИ. 1982. № 3. С. 110–113.

³⁶ Ссылки на соответствующую литературу см. Иванчик. О киммерийцах Аристея Проконнесского... С. 54. Прим. 4–6.

ря» до Эфиопии³⁷ параллельно «Аравийскому заливу», который тянется от «Южного моря» до Сирии³⁸. «Северное море» в данном контексте тождественно современному Средиземному, а его наименование «Северным» отлично соответствует семитскому названию Сирии – *š'm* («север»). Далее (II. 32) Геродот говорит о «ливийском побережье Северного моря» (Τῆς γὰρ Λιβύης τὰ μὲν κατὰ τὴν βορρῆν θάλασσαν). Такого рода определения Средиземного моря не могли появиться под влиянием какой-либо иранской, в частности персидской традиции.

Так как в этом же параграфе (II. 11) Геродот говорит о заливе в Аравии, который тянется от так называемого Красного моря³⁹, «Южное море» действительно совпадает с понятием «Красное». При этом нельзя утверждать что они совершенно идентичны, одно понятие лишь включает в себя другое. «Южное» же море из обозначенных фрагментов сочинения Геродота, а следовательно, и «Красное» море из них же соответствует не современному Красному морю, а Аравийскому как части Индийского океана.

Это же отождествление можно сделать и на основании другого фрагмента (II. 8), в котором говорится, что Красное море – южная граница Египта. Таким образом, «Южное море» Геродота соответствует современному Индийскому Океану и в этом контексте обозначалось «красным». Именно «южное» (а не «красное») море противопоставлялось «северному». Противопоставления «красному морю» в данных контекстах Геродота нет.

Геродот и далее говорит о «Южном море» как о «так называемом Красном» (II. 158)⁴⁰ – в этом фрагменте оно может быть отождествлено с современным Красным. Так как в этом фрагменте рассматривается история и география Египта – постройка канала между современными Средиземным и Красным морями при фараоне Нехо II, какое-либо иранское влияние на географические представления Геродота должно быть исключено.

В следующем параграфе (II. 159)⁴¹ Геродот говорит о постройке кораблей «в Северном море, а также в Аравийском заливе для Красного моря». Здесь также видно противопоставление «Северного» (современного Средиземного) и «Красного» (Аравийского) морей, разделенных Аравийским заливом (современным Красным морем).

И здесь какое-либо иранское влияние не может быть обнаружено. С другой стороны, из вышеизложенного анализа данных Геродота можно сделать вывод о том, что понятие «Красное море» при изложении истории и географии Египта в целом совпадало с «Южным морем».

Впрочем, нельзя сказать, чтобы Геродот был абсолютно последователен при обращении с категориями «Южное» и «Красное» моря. Это в частности следует из параграфа IV. 42. Здесь Геродот описывает плавание финикийцев, отправленных фараоном Нехо II вокруг Африки: они «отправились из Красного моря и плыли через Южное»⁴². Тот же подход виден и при описании воен-

³⁷ Ἐτερον τοιοῦτον κόλπον καὶ τὴν Αἴγυπτον δοκέω γενέσθαι κού, τὸν μὲν ἐκ τῆς βορρῆς θαλάσσης [κόλπου] ἐσέχοντα ἐπ' Αἰθιοπίας.

³⁸ τὸν δὲ Ἀράβιον [τὸν ἐρχομαι λέξων] ἐκ τῆς νοτίης φέροντα ἐπὶ Συρίης.

³⁹ Ἔστι δὲ τῆς Ἀραβίης χώρας, Αἰγύπτου δὲ οὐ προσώ, κόλπος θαλάσσης ἐσέχων ἐκ τῆς Ἐρυθρῆς καλεομένης θαλάσσης.

⁴⁰ ...ἐκ τῆς βορρῆς θαλάσσης υπερβῆναι ἐς τὴν νοτίην καὶ Ἐρυθρὴν τὴν αὐτὴν ταύτην καλεομένην...

⁴¹ ...καὶ τριήρεις αἱ μὲν ἐπὶ τῇ βορρῇ θαλάσῃ ἐποιήθησαν, αἱ δ' ἐν τῷ Ἀραβίῳ κόλπῳ ἐπὶ τῇ Ἐρυθρῇ θαλάσῃ...

⁴² Ὀρμηθέντες ὧν οἱ Φοίνικες ἐκ τῆς Ἐρυθρῆς θαλάσσης ἔπλεον τὴν νοτίην θάλασσαν.

ной активности легендарного фараона Сесостриса (II. 102)⁴³: «Сесострис вышел из Аравийского залива и покорил народы на берегах Южного моря». В первом из данных фрагментов Южное море является продолжением Красного (или Красное – заливом Южного), во втором – Красное море никак не соотносено с Южным. В четвертой же книге «Истории» (IV. 13)⁴⁴ Геродот называет «Южным морем», рядом с которым обитали киммерийцы, современное Средиземное⁴⁵.

Отдельный блок составляют параграфы 37 и 40 четвертой книги «Истории». Геродот, описывая границы расселения персов в Азии, указывает на то, что персы занимают область вплоть до «южного» – так называемого «красного» моря (IV. 37)⁴⁶. «Северное» же море Геродот поместил в этом фрагменте не во владениях персов, а у колхов. Его отождествление с современным Черным морем можно было бы принять, если бы сопоставление реки Фасис с совр. Риони было бы абсолютно надежным. Между колхами и персами Геродот «поселил» еще мидян и саспиров.

Сопоставим данные этого параграфа со следующим – IV. 40⁴⁷. Согласно этому отрывку, Красное море простирается на северо-восток от персов и на восток от колхов, т.е. оно должно быть ассоциировано с восточной частью Мирового океана. Морем же, расположенным же на севере, хотя и не названным «северным», выступает Каспийское, в которое впадает река Аракс. «Красное море» лежит на восток от мидян и колхов, т.е. никак не может быть отождествлено с Персидским заливом⁴⁸.

Принимая во внимание, что в параграфе IV. 37 «Северное море» не ассоциируется с каким-либо конкретным водоемом и что античная традиция о реке Фасис была крайне противоречива, можно предположить, что скорее Фасис тождественен Араксу и «море, лежащее к северу» (из параграфа IV. 37) нужно отождествить с «Северным морем» из IV. 40, т.е. однозначно – Каспийским, чем предполагать существование двух «Северных морей».

Интересно, что в данном фрагменте (IV. 40) расположение Красного моря дается относительно тех же ориентиров, что и тремя параграфами ранее (IV. 37): на север от персов проживают последовательно мидяне, саспиры и колхи, на восток

⁴³ ὁρμηθέντα ἐκ τοῦ Ἀραβίου κόλπου τοὺς παρὰ τὴν Ἐρυθρὴν θάλασσαν κατοικημένους καταστρέφεσθαι.

⁴⁴ Κιμμερίους δὲ οἰκόντας ἐπὶ τῇ νοτίῃ θαλάσσῃ ὑπὸ Σκυθέων πιεζομένους ἐκλείπειν τὴν χώραν.

⁴⁵ Иванчик. О киммерийцах Аристея Проконнесского... С. 51.

⁴⁶ Ἐν μέσῃ Ἀσίῃ Πέρσαι οἰκεῖνσι κατήκοντες ἐπὶ τὴν νοτίαν θάλασσαν τὴν Ἐρυθρὴν καλεομένην («Персы живут в Азии вплоть до Южного моря, называемого Красным» – пер. Г.А. Стратановского).

⁴⁷ Τα δὲ κατὰ περθε Περσέων καὶ Μηδῶν καὶ Σασπείρων καὶ Κόλχων, τὰ πρὸς ἥψ τε καὶ ἥλιον ἀνατέλλοντα, ἐνθευ μὲν ἡ Ἐρυθρὴ παρῆκει θάλασσα, πρὸς βορρῶν δὲ ἡ Κασπίη τε θάλασσα καὶ ὁ Ἀράξης ποταμός, ῥέων πρὸς ἥλιον ἀνίσχοντα («Выше персов, мидян, саспиров и колхов на восток простирается Красное море, а к северу – Каспийское и река Аракс, текущая на восток» (IV. 40) – пер. Г.А. Стратановского).

⁴⁸ Как, например: Геродот. История... С. 520.

Это толкование Г.А. Стратановского совершенно противоречит его же переводу. Оно могло быть навеяно каким-либо старинным переводом, как, например: «На востоке (Азия включает) за Персией, Мидией, землей Саспейров и Колхов, всю страну, граничащую с Ю[га с] Красным морем, а с С[евера с] Каспийским морем и рекой Араксом, течение которой направлено к В[остоку]» (Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе / Собрал и перевел с подлинников К. Ган – учитель Тифлисской 1-ой гимназии. Часть I. От Гомера до 6-го столетия по Р.Х. Тифлис, 1884. С. 17).

от которых простирается Красное море (IV. 40) – к югу от персов простирается Красное море, именуемое Южным, а к северу от них обитают мидяне, каспирсы и колхи, граничащие с Северным морем (IV. 37). Таким образом, Красное море, согласно Геродоту (IV. 37, 40), охватывает персов с юга и северо-востока.

И совершенно выбивается из картины мира по персидской традиции в интерпретации Р. Шмитта фрагмент «Истории» Геродота, ассоциирующий Красное море с «западом» и «внутренними морями» (Эгейским и Черным)⁴⁹: Красное море идентично «западному» (Атлантическому) и «внутреннему» морям.

Таким образом, все наименования морей по сторонам света у Геродота имеют относительный характер: в ряде контекстов Геродот именуется «северным морем» то, которое так и не стало «черным», а «южным» – то, которое никогда не было «красным» (в обоих случаях – Средиземное). Для анализа происхождения названия «Черное море» важным в данном контексте является то, что в «Истории» Геродота не прослеживается противопоставления «Южного» («красного») «Северному» («черному») морю. «Северным», т.е. якобы «черным» морем у Геродота выступают и Средиземное, и Каспийское, а в качестве «красного» обозначаются водные бассейны, связанные не столько с «Южным» морем, сколько с древнейшими историко-географическими представлениями об Океане – реке, омывающей землю со всех сторон.

Показательно, что Каспийское море (как бы ни интерпретировалось название его или народа, по имени которого это море было названо), расположенное, в отличие от современного Черного моря, непосредственно на севере от Персии, не получило ни в древнеиранской традиции в целом, ни в древнеперсидской в частности какого-либо цветового определения. И даже собственно «северным» оно именуется лишь в одном армянском источнике IV в. н.э.⁵⁰

Итак, система цветообозначения морей в «Истории» Геродота не связана с иранской традицией в интерпретации Р. Шмитта, а вопрос о происхождении названия «Красное море» в данном контексте нельзя считать не только решенным, но даже всерьез поставленным.

Древнеюжноаравийская гипотеза

Так как современное Красное море омывает земли, заселенные в основном семитскими народами, казалось бы, в материалах семитской традиции и следует искать истоки этого понятия. Одна из возможных гипотез о происхождении названия «Красное море» могла бы состоять в обосновании связи данного талассонима с этнонимом в значении «красный»⁵¹, имеющим непосредственное отношение к аравийскому побережью современного Красного моря. Так, например, Химйар (др.-юж.-ар. ḤMR/ḤMYR) являлось крупным племенным объединени-

⁴⁹ τὴν μὲν γὰρ Ἑλλήνες ναυτίλλονται πᾶσα καὶ ἡ ἔξω <Ἡρεκλέων> στηλέων θάλασσα ἢ Ἀτλαντὶς καλεομένη καὶ ἡ Ἐρυθρὴ μία ἐοῦσα τυγχάνει («Ведь море, по которому плавают эллины, именно то, что за Геркулесовыми Столпами, так называемое Атлантическое и Красное море, – все это только одно море» (I. 203) – пер. Г.А. Стратановского).

⁵⁰ Мюллер. О названиях и географических картах Каспийского моря. С. 43.

⁵¹ Наименование «Красное море» (Baḥr al-Aḥmar) в арабской географической литературе встречается лишь один раз – в «Книге заглавий» (Kitāb al-'Unwān) Агапия Манбиджского (613) (вторая половина X в.). Агапий, сын Константина, как он упоминается в арабской литературе, был носителем античной географической культуры и перевел греческое название на арабский язык. Выдержки из «Книги заглавий» см. Арабские источники X–XII вв. по истории и этнографии Африки южнее Сахары / Подготовка текстов и переводы В.В. Матвеева и Л.Е. Куббеля. М.–Л., 1965. С. 113–132.

ем, оформившимся на Йеменском плато в последней четверти II в. до н.э. и давшим впоследствии название возобладавшей политической силе во всей Южной Аравии – государству Химйар. Этноним ḤMR/ḤMYR восходит к корню ḤMR. Одним из значений начертания ḤMR является «красный»⁵². Происхождение названия «Красное море» от этнонима ḤMR/ḤMYR некогда предлагалось одним из основоположников исторической географии Карлом Раттером и было затем воспринято в некоторых более поздних исследованиях⁵³.

Понятие ḤMR встречается в одной из древнейших (начало VII в. до н.э.) и важнейших сабейских надписей RES 3945/15. Хотя ḤMR как этноним встречается лишь в надписях более позднего периода, вряд ли могут быть сомнения в том, что он существовал и до того, когда были составлены сабейские надписи, упоминающие его и дошедшие до нас.

В надписи RES 3945 упоминаются земли, захваченные мукаррибом Саба' Кариб'илем Ватаром в области Нашшан (совр. Северный Йемен) и принадлежавшие ZLM и ḤMR. Согласно В.В. Мюллеру, речь может идти об обозначении светлокожих (ḤMR) и темнокожих (ZLM), т.е. «всех людей», или об этнонимах, т.е. полях, принадлежавших ZLM и ḤMR⁵⁴. С другой стороны, обращает на себя внимание использование в данном контексте понятия ZLM для обозначения «черноты». Этим же понятием обозначалась и «темнота» Моря мрака в средневековой арабской географической традиции. Понятие ZLM в «Сабейском словаре» трактуется, в частности, как «запад»⁵⁵ – «темная» сторона света, т.е. направление захода солнца.

Было бы логичным предположить, что ḤMR в рассматриваемом контексте обозначало «восток» как «светлое» место появления «красноватого» солнца, а само обозначение земель, «принадлежавших ZLM и ḤMR» – как «темных и светлых», т.е. «западных и восточных». В таком случае можно было бы предположить, что греческое же название Красного моря родилось в качестве перевода «моря ḤMR», причем понятие ḤMR было воспринято в его наиболее привычном значении – «красный». Соответственно название современного Красного моря, если оно действительно восходит к ḤMR, должно было бы означать для тех, кто дал ему такое название, «Светлое»⁵⁶, «Восточное» море, противопоставленное «Западному» – «Морю мрака».

Такая интерпретация указывала бы на то, что название «Красное море» родилось на западе от аравийского побережья Красного моря, например, в Египте и Аксуме. Однако связь между древнеегипетскими географическими представлениями, сабейской надписью VIII в. до н.э. и античной географической номенклатурой едва ли уловима, тем более, что в сабейских надписях Красное море именовалось просто bḥr, т.е. «море», хотя и противопоставлялось «востоку» (ṣrq) по модели «море» – восток.

⁵² Beeston A.F.L., Ghul M.A., Muller W.W., Ryckmans J. Sabaic Dictionary (English-French-Arabic). Louvain-la-Neuve-Beiruth, 1982 (Publication of the University of Sanaa. YAR). P. 68. В этом же значении ḥmr используется в арабском и эфиопском языке; moreover, от корня ḤMR произошли другие понятия – с отличающейся семантикой.

⁵³ Подробнее см. Hoyt. Op. cit. P. 117.

⁵⁴ Müller W.W. Altsüdarabische und frühnordarabische Inschriften // Texte aus der Umwelt des Alten Testaments. 1985. 1/6. Rechts- und Wirtschaftsurkunden. Historisch-chronologische Texte III. S. 657.

⁵⁵ Beeston, Ghul, Müller, Ryckmans. Op. cit. P. 172.

⁵⁶ Светлое, т.е. красноватое, но не «Белое», так как понятие белизны передавалось производными от корня LBN, также активно использовавшимися при образовании топонимов в древней Южной Аравии.

По всей видимости, происхождение понятия «красное море» следует искать в иной традиции.

Индоевропейская гипотеза

Происхождение названия «Красное море» может быть проанализировано и на основе древнейших пластов индоевропейской, в частности, античной космогонии. Последняя должна соответствовать собственно географической традиции, которая (в лице Геродота) отождествляла «Красное море» с западной, южной и восточной частями мирового Океана.

Наиболее однозначной в этом отношении является скандинавская традиция. «Окружающее море» в контексте представлений об устройстве земли именуется *Rauða haf*, досл. «Красное море»⁵⁷. Связано это с легендой об устройстве Мирового океана из крови Имира, изложенной в «Видении Гюльви» «Младшей Эдды» Снорри Стурлусона⁵⁸. Наличие такого цветообозначения Окружающего моря в скандинавском мифе позволяет рассмотреть аналогичный античный миф в контексте цветообозначения Окружающего моря по цвету крови.

Так, Аполлодор в «Мифологической библиотеке» указывает на то, что Уран был оскроплен Кроном и что его кровь попала в «море» (θάλασσα)⁵⁹. Под «морем» в данной ситуации может иметься в виду только Океан, так как, согласно Аполлодору, лишь один Океан из всех олицетворений водной стихии был создан Геей к моменту нападения титанов на Урана. Показательно и то, что из титанов один Океан не участвовал в нападении, и в него вылилась кровь Урана. Таким образом, из космогонической схемы Аполлодора можно сделать вывод о том, что Океан мог стать красным из-за попадания в него крови Урана.

Иначе представлено оскропление Урана Кроном в «Теогонии» Гесиода (175–183): кровь Урана упала не в «воды», а на Землю. Однако в качестве первич-

⁵⁷ Cleasby R., Vigfusson Gudbrand. An Icelandic-English Dictionary. Oxf., 1874. P. 483; Мельникова Е.А. Географические представления древних скандинавов (к истории географической мысли в средневековой Европе) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 124. Прим. 40; она же. Образ мира. Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV в. М., 1998. С. 205; Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике: текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 344; ср. также обозначение современного Красного моря как *Rauða haf* в сочинении «О климатах» – части «Rím-II» (середина XIII в., см. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты. Перевод. Комментарий. М., 1986. С. 181).

⁵⁸ «Из крови, что вытекла из ран его, сделали они океан и заключили в него землю. И окружил океан всю землю кольцом, и кажется людям, что беспределен тот океан и нельзя его переплыть» (пер. О.А. Смирницкой; цит. по Младшая Эдда / Изд. подг. О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1994. С. 24–25).

⁵⁹ ἀγανακτοῦσα δὲ Γῆ ἐπὶ τῇ ἀπωλείᾳ τῶν εἰς Τάρταρον ῥιφέντων παίδων πείθει τοὺς Τιτᾶνας ἐπιθεσθαι τῷ πατρί, καὶ δίδωσιν Ἀδαμαντίνην ἀρπὴν Κρόνῳ. οἱ δὲ Ὀκεανοῦ χωρὶς ἐπιτίθενται, καὶ Κρόνος ἀποτεμὼν τὰ αἰδοῖα τοῦ πατρὸς εἰς τὴν θάλασσαν ἀφίησιν, ἐκ δὲ τῶν σταλαμῶν τοῦ ρέοντος αἵματος ἐρινύες ἐγένοντο, Ἀληκτῶ Τισιφῶνῃ Μῆγαῖρα (“Гея, негодуя по поводу гибели детей, сброшенных в Тартар, убедила титанов восстать против отца и дала кривой стальной меч Крону. Все титаны, за исключением Океана, напали на отца, и Крон, отрезав детородный орган Урана, бросил его в море. Из капель хлынувшей крови родились Эриннии – Алекто, Тисифона, Мегара» (I. 1. 4) – пер. В.Г. Бороховича).

ной водной стихии в «Теогонии» выступает Понт: Гея последовательно родила Урана, нимф и Понт. Лишь затем – от Урана был рожден Океан⁶⁰.

В изложении Гомера изначальной водной стихией являлся Океан⁶¹. Интересно, что Понт и Океан в дальнейшем «породнились»: от Нерее (сына Понта) и Дориды (дочери Океана) родились nereиды (Apolloclod. I. 2. 7), а в «Мифах» Гигина⁶² Понт и Океан оказываются родными братьями, рожденными от Эфира и Земли⁶³. В изложении же Гигина первичной водной стихией является mare, причем латинский термин mare здесь предположительно соответствует греческому *θάλασσα*⁶⁴. В дальнейшем Понт оказывается супругом своей матери Земли (pg. 7), породив от нее Тавманта, Тусциверса и Цефея, и своей тетки Моря – сестры Земли, породив от нее рыб (pg. 5). На «взаимозаменяемость» Понта и Океана может указывать и то, что, например, Форкий в одних источниках рассматривается как сын Понта (Hesiod. Theog. 237), в других – как сын Океана⁶⁵. Таким образом, в античных космографиях все основные олицетворения первичной водной стихии оказываются теснейшим образом переплетенными друг с другом.

Создание мира и сотворение богов в античной космографии в целом и в изложении Гесиода⁶⁶ в частности выглядят путано и не поддаются однозначной

⁶⁰ Γαῖα δὲ τοὶ πρῶτον μὲν ἐγένετο ἴσον ἑωυτῇ
Οὐρανὸν ἄστερόεθ', ἵνα μιν περὶ πάντα καλύπτει
ὄφρ' εἴη μακάρεσσι θεοῖς ἔδος ἀσφαλὲς αἰεὶ,
γενετο δ' οὐρεα μακρά, θεῶν χαριεντὰς ἐνανύλους
Νυμφῶν, αἱ ναίουσιν ἀν' αὐρεα βῆσσηντα,
ἡδὲ καὶ ἀτρύγετον πέλαγος τέκεν οἰδματι θυῖν,
Πόντον, ἄτερ φιλότητος ἐφίμερον· αὐτὰρ ἔπειτα
Οὐρανῶ εὐνηθεῖσα τέκ' Ὠκεανὸν βαθυδίνην
(«Гея же прежде всего родила себе равное ширью
Звездное Небо, Урана, чтоб точно покрыл ее всюду
И чтобы прочным жилищем служил для богов всеблаженных;
Нимф, обитающих в чашах нагорных лесов многотонных;
Также еще родила, ни к кому не всходивши на ложе,
Шумное море бесплодное, Понт. А потом, разделивши
Ложе с Ураном, на свет Океан породила глубокий...»
(127–133) – пер. В.В. Вересаева).

⁶¹ οὐδὲ βαθυρρεῖται μέγα σθένος Ὠκεανοῖο,
ἐξ οὗ περ πάντες ποταμοὶ καὶ πᾶσα θάλασσα
καὶ πᾶσαι κρῆναι καὶ φρεῖατα μακρὰ νάουσιν
(«...седой Океан беспредельный,
Тот, из которого всякий источник и всякое море,
Реки, ключи и глубокие кладези все истекают...»
(Ил. XXI. 195–197) – пер. Н.И. Гнедича)).

⁶² Космогонический раздел «Мифов» Гигина восходит, вероятно, к автору эпической «Титаномахии» Эвмела Коринфского или Арктина (Гигин. Мифы / Пер. с латинского Д. Торшилова под общей редакцией А.А. Тахо-Годи. СПб., 1997. С. 39), оба – предположительно VIII в. до н.э.

⁶³ Ex Aethere et Terra ... Oceanus ... Pontus (pg. 3).

⁶⁴ Гигин. Мифы. С. 41.

⁶⁵ Γῆς τε καὶ Οὐρανοῦ παῖδες Ὠκεανὸς τε καὶ Τηθὺς ἐγένεσθην, τούτων δὲ Φόρκυς Κρόνος τε καὶ Ῥέα... («от Геи и Урана родились дети Океан и Тефия, от этих двух – Форкий, Кронос с Реей...» (Plat. Tim. 40 e – пер. С.С. Аверинцева). Впрочем, в иных источниках, например, у Прокла, Форкий рассматривается как порождение самой Геи; см. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики / Изд. подг. А.В. Лебедев. М., 1989. С. 51.

⁶⁶ А.Ф. Лосев выделяет в «Теогонии» Гесиода «довольно сумбурное нагромождение разных генеалогий» (Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 690).

систематизации. Можно, однако, предположить, что «функционально» в древнейших космогонических мифах Понт и Океан были весьма близки друг другу, символизируя Море, окружавшее Землю⁶⁷. Дополняя космогоническую схему Аполлодора сведениями Гесиода и Гомера, можно предположить, что в древнейшей греческой космогонии Землю окружало Море (= Океан = Понт), в которое попала кровь Урана, от чего морская вода должна была приобрести красный цвет.

В рассматриваемом контексте особенно показательно, что в гомеровском эпосе морские воды часто обозначаются как «пурпурные» (πορφύρεος)⁶⁸. При этом пурпурный цвет не только моря, но и земли связывается Гомером именно с кровопролитием⁶⁹. Таким образом, гомеровская традиция не менее определена, чем скандинавская, не только в цветообозначении «вод», но и в определении связи этого цвета обозначения с мотивом кровопролития.

В определенной степени эти представления могут быть реконструированы и на материале ведийской космогонии. «Освобождение вод», их излияние на землю связано с битвой Индры с Вритрой – одним из основных космогонических мотивов в «Ригведе». Целый ряд эпизодов, известных из античной и скандинавской традиций, может быть прослежен в данном контексте и в «Ригведе». Так, Вритра повсеместно противопоставляется «быку» Индре, наделенному мужской силой, и именуется *vadhri* (I. 32. 7c) – «вол», букв. «кастрированный»⁷⁰. В другой, более ранней мандале (IV. 17. 3d), Вритра назван и «быком» (*vṛṣan*) вод, что еще более выделяет момент последовавшего затем оскопления. Лишение Виртры «мужской силы» и далее упоминается в «Ригведе»⁷¹.

⁶⁷ Так, Прокл в космогонической части «Комментариев на Тимей Платона» называл Понт «бездбрежным» (πόντος ἀλειπίρος).

⁶⁸ ...ἀμφὶ δὲ κύμα

στεῖρη πορφύρεον μέγ' ἴαχε νηὸς ἰούσης (II. I. 481–482);

ὥς δ' ὅτε πορφύρη πέλαγος μέγα κύματι κωφῶ ... (II. XIV. 16);

ἐμπρησεν δ' ἀνεμος μεσον ἱστιον, ἀμφὶ δὲ κύμα

στεῖρη πορφύρεον μέγ' ἴαχε νηὸς ἰούσης.

(Od. II. 428);

πορφύρεον δ' ἄρα κύμα περιστάθη οὐρεῖ ἴσον

(Od. XI. 243);

...κύμα δ' ὀπισθεν

πορφύρεον μέγα θῦε πολυφλοίσβοιο θαλάσσης.

⁶⁹ ὥς Αἴας ἐπέτελλε πέλωριος, αἵματι δὲ ξθῶν

δένετο πορφυρέῳ, τοὶ δ' ἀγχιστῖνοι ἐπιπτον

(II. XVII. 361);

Ἡ, καὶ ἐπ' ὅρτ' Ἀχιλῆϊ κυκώμενος ὑψόσε θυῶν.

μормύρων ἀφρῶ τε καὶ αἵματι καὶ νεκυεσσι.

πορφύρεον δ' ἄρα κύμα διπετέος ποταμοῖο

ἵστατ' ἀειρόμενον...

(II. XXI. 324–327).

⁷⁰ Понимание термина *vadhri* как «вол» (кастрированный (бык)) отмечено Т.Я. Елизаренковой (Ригведа. Мандалы I–IV/ Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М., 1989. С. 562).

⁷¹ *vriscā satror ava viśvāni vṛishnyā*

Обруби все мужские силы врага!

(I. 51. 7d – пер. цит. по Ригведа. Мандалы I–IV. С. 65; здесь и далее «Ригведа» цитируется по изданию: *Aufrecht Th. Die Hymnen des R̥igveda. Teile 1–2.* Darmstadt, 1955; перевод – в изданиях Т.Я. Елизаренковой).

Описание ваджры – оружия, которым Индра победил Вритру, – в целом ряде фрагментов напоминает описание серпа, которым Крон оскопил Урана: Индра «точит ваджру как бык (рога) для остроты» (I. 55. 1d), он «наточил ваджру острой как нож для убийства змея» (I. 130. 4a–b), «оттачивает силой ваджру» (X. 153. 4c). В результате – «воды текут через тайное место Вритры» (I. 32. 10c), упоминаемое и далее (I. 61. 6c, III. 32. 4c, VIII. 100. 7c). Нельзя, однако, не отметить того, что, в отличие от античной и скандинавской традиций, момент самого излияния крови Вритры в «воды» в «Ригведе» не описан, он присутствует лишь в более поздней литературе брахман (впрочем, различные брахманы излагают этот сюжет по-разному: кровь Вритры льется то в «воды», то на землю⁷²), а также в индуистской ритуалистике⁷³. С другой стороны, среди демонов, побежденных Индрой, в «Ригведе» один раз фигурирует некий Rudhikrā – «разбрызгивающий кровь» (II. 14. 5c). Тем не менее не может быть полной уверенности в том, что за этим прозвищем скрывается Вритра, уже ранее упомянутый в данном гимне.

Исключительный интерес представляет один из гимнов «Ригведы» (X. 124. 7), в котором говорится о том, что не Вритра, а Варуна «выпустил...» воды «от бессилия» и что воды приняли «его цвет»⁷⁴. Характерно, что главным действующим лицом здесь является Варуна – индийский «аналог» древнегреческого Урана. Варуна испытывает «бессилие», что в контексте ведийской космогонии может означать лишь лишение мужской силы, оскопление, в результате которого были выпущены космические воды. Варуна, по словам ведийского поэта, передает водам «свой цвет». Несмотря на краткость описания, можно предположить, что, лишившись «силы», т.е. будучи оскоплен, Варуна пролил свою кровь в воды и так передал им свой цвет. Возможно, именно данный ведийский гимн и следует рассматривать как наиболее близкую параллель древнегреческому мифу об оскоплении Кроном Урана и пролитии крови последнего в «море».

В древнеиранской традиции также имеется мотив красноватого сияния Окружающего моря. Одним из важнейших компонентов древнеиранского мировоззрения является фарн, др.-ир. *x^varnah, авест. x^varənah с производными во многих других древне- и среднеиранских языках. Фарн – сияющее начало, материальное проявление божественного огня, свойственное как божественным персонажам, так и людям – истинным носителям царской власти, ассоциируемой с красным цветом. В «Авесте» (Y. XIX. 51–64) говорится о фарне как о

⁷² Соответствующие отрывки приведены и кратко проанализированы А. Хиллебрандом (*Hillebrandt A. Vedische Mythologie. Bd 3. Breslau, 1902. S. 239*).

⁷³ См., например: *Somasambhupaddhi / Traduction, introduction et notes par H. Brunner-Lachoux. Pondyehery, 1963. S. 16*.

⁷⁴ kavīh kavītvā divi rūpam āsajad
aprabhūtī varuṇo nīr apah srijat
kshemam krinvāna janayō na sindhavas
ta asya varṇam śucayo bharibhrati
(«Поэт поэтическим вдохновением к небу цвет прикрепил.
Варуна от бессилия выпустил течь воды.
Создавая покой, словно жены, реки
Эти чистые носят туда-сюда его цвет»
(пер. цит. по Ригведа. Мандалы IX–X / Изд. подг. Т.Я. Елизаренкова. М., 1999. С. 282)).

покоящемся на глубине Окружающего океана (vougu.kaša) во владении Апам-Напата⁷⁵.

Показательно, что в Окружающем море Хварно оказалось непосредственно после того, как на него покушался «трехпастный» змей Дахака, ранее по тексту «Авесты» (Y. XIX. 37) побежденный Трайтаоной. Аналогом Трайтаоны в индийской мифологии является Трита, который помогал Индре в битве против Вритры, а в скифской – Таргитай, прародитель скифов⁷⁶.

Таким образом, можно предполагать наличие вполне определенных параллелей между античной и другими родственными индоевропейскими традициями по вопросу о цветовой семантике Окружающего моря. Все они исходят из попадания в «воды» «красящего фермента». В древнегреческой и древнескандинавской традициях в этом качестве выступает кровь, в иранской – фарн. Попадание этих субстанций в воды связано с битвой героя с драконом в иранской, индийской и скандинавской традициях. В древнегреческой мифологии это обстоятельство связано с насильственным оскоплением, также ассоциирующимся с мотивом битвы. До некоторой степени этот мотив реконструируется и в древнеиндийской мифологии. Вероятно, греческая космогоническая традиция, переданная Гомером, Гесиодом и Аполлодором, скандинавская, древнеиндийская и древнеиранская в том, что касается происхождения «красного моря», восходят к единому источнику эпохи индоевропейского единства.

Если данная реконструкция верна, то именно эти представления об устройстве Окружающего моря лежат в основе высказываний Геродота об Атлантическом море и его единстве с Красным (I. 203) и о расположении Красного моря на восток от мидян и колхов (IV. 40). Эта же структура «Красного моря» прослеживается и в его описании в «Перипле Эритрейского моря». Схема Геродота, в которой Красное море оказывается западной, южной и восточной частью Океана, определенно восходит к более древним пластам античной (и шире индоевропейской) космогонии об Окружающем красном (от цвета крови) море. Соответственно нет оснований предполагать рождение цветовой геосимволики в иранской традиции на основе противопоставления юга и севера.

Если следовать картине мира тюркских, монгольских и иранских кочевников, якобы унаследованной из китайского мировоззрения, то придется признать, что ко времени Геродота сама идея «красноты» моря уже прочно утвердилась в античном мире. Этому, однако, противоречит именно практическое отождествление Геродотом «красного» и «атлантического» морей, составлявших для него одно целое. Именно в этом видно коренное отличие античных (и шире индоевропейских) представлений от китайских и тюркских: Окружающее море едино, и оно отождествляется с красным цветом.

⁷⁵ aētaŋ x^varənō frapinuuta
āuui zraiiō vouru.kašəm
a.dim haθra hangvuruuiaiŋ
arəm napā...

(«И очутилось Хварно
На море Ворукаша,
Где завладел им сразу
Владыка Апам-Напат...»
(Яшт XIX. 51 – пер. И.М. Стеблин-Каменского; цит. по Авеста. Избранные гимны. Из Видевдата / Пер. с авестийского И.М. Стеблин-Каменского. М., 1992. С. 163)).

⁷⁶ Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006. С. 107.

В римскую эпоху в античной географии также практически вся акватория Индийского океана, включая Красное море и Персидский залив, именовались Эритрейским морем. «Перипл Эритрейского моря» ведет его описание от египетских портов Миос-Гормос и Береники до восточного берега Индии и Китая. Соответственно и предположение о том, что понятие «Красное море» в греческой традиции изначально относилось к акватории Персидского залива в значении «Восточное море», должно и может быть пересмотрено в свете данных представлений. Персидский залив и современное Красное море являлись заливами этого Окружающего моря и, естественно, перенимали от него название «Красный».

Таким образом, западная, южная, восточная и северо-восточная части Мирового Океана продолжали рассматриваться в античной географии как части Красного моря. Это представление является отражением древнейших космогонических представлений античной и родственных ей иных индоевропейских традиций, связанных с борьбой того или иного героя с врагом во время творения первичных природных начал. Следовательно, происхождение названия «Красное море» не связано с противопоставлением «красного» и «черного» морей по линии «север – юг» в иранской или какой-либо еще традиции, а соответственно и происхождение названия «Черное море» следует искать в иной плоскости.

THE ORIGIN OF THE NOTION OF THE «RED SEA»

M. D. Bukharin

Contemporary studies in historical geography have not yet elaborated any convincing idea of the origin of the notion of the «Red Sea». In general, they follow the efforts of the Classical thought to find this origin in the «redness» of the natural colour of surrounding water or sand. From the other side it is supposed that the «Southern» sea in Iranian tradition must have been seen as «red» (while the «Northern» one as black) and this was spread throughout the ancient world. However, neither the blackness of the Northern sea nor the redness of the Southern sea can be supported by ancient sources. In the geographical scheme of Herodotus the Red Sea is represented in the west, south and east of the Oikumene. A good deal of relevant information can be found in cosmogonical myths of ancient Greek, Scandinavian, Indian and Iranian traditions. With some variations they report the struggle between a «hero» (Kronos in ancient Greece, Odin and other gods in Scandinavia, Indra – in ancient India and Traitaona in ancient Iranian tradition) and his opponent (Uranos in ancient Greece, Imir in Scandinavia, Vŗtra in India and Dahaka in ancient Iran), whose blood is flowing into the «waters», i.e. into the «Outer Sea». In the Iranian tradition farn – the royal celestial shining – falls into the Surrounding sea, which thus becomes red.

The notion of the «Red sea» reflects the most ancient Indo-European cosmogonic ideas of the «Outer Sea» and has no connection with any opposition of the parts of the World Ocean and its colours. The origin of the name «Black sea» must also be searched for elsewhere.